

Гимн Жизни

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,

Пусть солдаты немного поспят.

А. Фатьянов

5 июля 1943

Страх и любопытство. Эти два чувства сражались в моей строптивой душонке в тот жуткий день, когда небо разрывалось от содрогających его громогласных раскатов.

Моё жилище находилось на окраине пшеничного поля, в берёзовой роще под Прохоровкой. Я был тогда ещё совсем мальцом, глупым и несмышлёным. С утра до вечера я был окружён заботой родителей, которые просто души во мне не чаяли и всячески ублажали меня. И жизнь казалась праздником.

Но проснувшись в тот день, ни отца, ни мать я не обнаружил.

Я звал их. Сначала сонно и лениво, думал, что они где-то рядом. Но вскоре чувства голода и волнения заставили меня кричать громче, но ответа опять не последовало. Кругом была просто мёртвая тишина.

И когда я в очередной раз, но теперь очень громко и отчаянно позвал их, ответом мне послужил оглушительный взрыв, прогремевший совсем близко. Сразу за ним пророкотало ещё несколько. В воздухе слышался свист, крики, грохот, цокот, рёв и вой. Всё это началось так внезапно, что я даже не понял, что же это такое. Да я и не мог понять.

Я испуганно вжался в соломенную подушку, съёжился и закрыл глаза. Вот теперь мне стало по-настоящему страшно. Вокруг меня творилось что-то поистине ужасное, кошмарное и непонятное, а я был в центре всего этого месива, я чувствовал, что нахожусь в огромной опасности, но страх буквально парализовал меня, и я не мог шевельнуть даже ногой. Я не знал, что мне делать, поэтому просто лежал, уткнувшись носом в солому. Я был совершенно один.

А этот ужас, все эти жуткие звуки и не думали прекращаться. Наоборот, с каждой минутой они становились всё чаще, всё громче и всё страшнее.

Я уже не чувствовал голода, хотя не ел ничего с самого утра, а к чувству страха прибавилось ещё и любопытство. Я дрожал всем телом, а сам думал: «А что же это

всё-таки такое? Я должен узнать, я должен это увидеть!» Но тут же прогонял эти мысли из головы и продолжал бояться.

Но к середине дня любопытство всё же перебороло страх. Я открыл глаза – в них тут же ударил яркий свет. Но это был не тот добрый и чистый солнечный свет, который я привык видеть изо дня в день. Это был злой, жуткий кровавый свет, не суливший ничего хорошего.

Я собрал всю свою храбрость, встал и смело взглянул на то, что таким внезапным грохотом ворвалось в мою жизнь.

Передо мной были большие звери. Нет, не просто большие, а ОГРОМНЫЕ! И всё у них было огромное: и ноги, и спина, и голова, а из этой головы торчал такой же огромный рог. Я никогда раньше не видел таких зверей. Хотя отец когда-то рассказывал мне о том, что когда он летал в жаркую страну, там он видел больших животных тоже с рогом на голове. Они называются носороги. «Значит, передо мной сейчас носороги», - размышлял я. - «Отец говорил, что они добрые, поэтому я, наверное, зря их боюсь».

Но тут же в опровержение моих догадок из рога одного из «носорогов» с оглушительным грохотом вырвалась струя настоящего огня, заставившая меня подскочить на месте. «Нет, тут что-то не так!» - думал я, переводя дыхание. - «Нет, это не носороги, это страшные чудовища из какого-то кошмарного сна!»

Но зачем они пришли на нашу землю? Зачем разрушили наши жилища?

Какой кровожадный монстр послал их сюда?

18 июля 1943

Я верил, я надеялся, что скоро это закончится. А до этого я вообще пытался убедить себя в том, что это просто дурной сон, кошмар, что стоит мне проснуться, и я снова окажусь рядом с папой и мамой, в мире, полном радости и счастья, где нет чудовищ.

Я с трудом засыпал под грохот огня, вылетающего из их рогов, но когда просыпался, всё продолжалось с прежней силой.

А может быть, это сон во сне?

Я кое-как научился сам добывать себе еду. Теперь я мог бы бросить всё, оставить этих жутких зверей здесь, воевать друг с другом, а сам бы отправился туда, где сейчас хорошо. Уж там я как-нибудь бы выжил, в то время как здесь я каждый день, каждую секунду подвергал себя огромной опасности.

Но я не мог. Что-то останавливало меня, держало здесь. Каждый день я смотрел на сражающихся чудовищ. Я стал замечать, что выглядят они по-разному. На одних

белой краской были нарисованы какие-то странные пугающие кресты, а на других – красные звёзды. По-разному выглядели и люди, проворно шныряющие между чудовищ, рядом с которыми они казались обыкновенными букашками. На шапках, надетых у них на головы, у одних были, опять же, красные звёзды, а у других – орлы. И что-то мне подсказывало, что и звери, и люди со звёздами – это добрые, это друзья. А вот другие – злые. И, наверное, эти злые старались захватить нашу территорию, а «наши», добрые, защищали её, защищали каждую травинку, кустик, деревце, защищали таких, как я. И я искренне поддерживал их, пусть и по-своему.

Но моей поддержки не хватало. Как бы я не хотел, как бы не надеялся, что «наши» победят, несмотря на всё это кругом царил настоящий кошмар. Трава, дотопе изо дня в день радовавшая меня своим сочным зелёным цветом, своим задорным блеском в солнечных лучах, была нещадно измята и выжжена, а земля – искорчёвана и исполосована громадными ямами и вмятинами. В воздухе стоял невыносимый запах гари. Чудовища буквально разрывались на куски у меня на глазах, из их спин с криками выскакивали обгоревшие окровавленные люди и в муках умирали. Я смотрел, как умирают «наши» краснозвёздные солдаты и корил себя за то, что не мог ничего сделать. Невозможно представить, насколько это ужасное чувство!

Но я не терял надежды. Я надеялся и незримо поддерживал «наших» людей, Наших Солдат.

23 Августа 1943

Я ждал этого дня.

Казалось бы, сколько времени прошло между тем страшным днём, когда на мирное поле с ужасным грохотом выползли чудовища, и сегодняшним, когда всё наконец... закончилось. Но для меня, да и, наверное, для людей, так бесстрашно бросавшихся прямо наперерез врагу, чьей храбростью я гордился и восхищался, этот небольшой промежуток показался целой вечностью.

Я не знал, радоваться мне или грустить. С одной стороны, безусловно, я был безмерно счастлив и горд, что всё это закончилось, что «наши» победили. Но... какой ценой?

Многие поколения моих предков каждую весну воспевали красоту этих мест, любовь и начало новой жизни.

А что же досталось мне? Кругом выжженная пустыня, усеянная останками этих чудовищ, оглохшая от ужаса боя, мёртвая тишина.

Так о чём же мне петь?

За время сражения я стал взрослым и мудрым, как все дети войны.

Я, Курский Соловей, в первый раз расправил крылья, выпорхнул из гнезда и сел на ветку – оказывается, я умею летать! Окинул взглядом место сражения. Уставшие и израненные солдаты, несмотря на все свои увечья, радовались и праздновали победу, пусть даже через боль и слёзы.

И я решил поддержать их. В это время года мои сородичи уже не поют, а я запел, и в этой песне была радость за нас, выживших, и звенящая тоска за тех погибших, что отдали жизни за всех нас.

Эта песня была о победе добра над злом – это был гимн самой жизни.

Мой одинокий звонкий голос растекался в мутном воздухе, летел над дымящимся месивом Прохоровского поля, и я почувствовал себя частью чего-то большого и значимого.

Пройдёт немало времени, прежде чем земля залечит свои раны. Люди снова вырастят пшеничные колосья, а берёзовая роща оживёт и распустит молодые липкие листочки.

Через год я вернусь на землю своих предков, построю своё первое гнездо, заведу детей и всё обязательно начнётся сначала.

По весне соловьиный хор будет многоголосым и радостным. Мы снова будем воспевать красоту этих мест, любовь и начало новой жизни. А звёзды с пилотов погибших солдат теперь навсегда будут освещать наши дни и ночи. Вечная им память.